

Почти два года назад архитектор Рем Колхас рассказал мне, что два инвестора вроде бы собираются основать в Москве Институт Архитектуры и медиа. У нас с Ремом у каждого свой советский опыт и нам было любопытно, что эти инвесторы затевают. Мы наблюдали, как над Каулуном зажглись миллионы ламп, превратив город в гигантское световое шоу и размышляли, стоит ли сотрудничать с этим московским институтом. – Что ты об этом думаешь?, - спросил Рем.

Идея мне нравилась, хотя в последнее время я много работал в Дубае, Маскате, Пекине и Гонконге, и Москва не очень-то входила в мои планы. Допустим, я все еще могу изъясняться по-русски, знаю страну давно. Но насколько хорошо я знаю ее в действительности? Скорее всего, основным импульсом было смутное предчувствие, и в тот же вечер я пообещал Рему Колхасу в Гонконге, что поеду в Москву: ты возвращаешься в страну, которой больше нет, и едешь в знакомый город, который ты не знаешь.

Все началось 1 августа 1979. Я протискивался с рюкзаком на спине к выходу Белорусского вокзала. Снаружи ждал автобус. Ломило кости от двух дней пути в поезде, я стоял на раскаленном от жары асфальте Москвы и втягивал в себя еще незнакомый мне запах советского бензина. Четыре недели назад я сдал выпускные экзамены в ГДР. Следующие пять лет я собирался изучать в этой стране квантовую химию.

Город, где находился мой университет, назывался Воронеж. На карте Советского Союза в атласе моего отца он был отмечен крохотным кружочком среди необъятных зеленых пространств. Ко мне подошел мужчина. Очевидно он хотел спросить, который час. В течение последних восьми лет я много учил русский, я мог, например, описать процесс получения лимонной кислоты или объяснить второй закон термодинамики. Но сказать который час? Я пожал плечами. На большее после восьми лет учебы в ГДР я был не способен...

Сегодня я должен признаться, что Воронеж был не только моей Альма матер. Воронеж стал моей школой жизни. Здесь для скромного восточногерманского юноши, каким был я, открывалась масса возможностей. Воронеж, хотя в это трудно поверить, был для меня окном в мир. Сюда приезжали студенты не только из стран мировой коммунистической системы, но и из Квебека, Падуи или Гетеборга. В коридорах общежития сливались голоса Боба Марли, Владимира Высоцкого и Джонни Роттена. В Воронеже я познакомился с некоторыми из моих самых верных друзей, они приехали из Австрии, Маврикия и Москвы. В Воронеже мои коллеги из ГДР следили за мной по поручению штази. Здесь я влюбился в африканку. Занимался контрабандой икры. Совершал несанкционированные поезды за Урал и на Кавказ, выписывал в городской библиотеке книги, запрещенные в ГДР.

Было столько странного и дикого, (неуловимо близкая) война в Афганистане, ветераны, сидящие по ночам у костров в городском парке, с орденами на груди, часто искалеченные, горланящие что-то, размахивая пустой бутылкой из под водки, пока не придет забирать милиция. Дальше была и мокрая экзема, страх перед штази и перед тем, что при минус двадцати пяти снова может отключиться отопление.

Когда я вернулся в Восточный Берлин, ГДР уже находилась в состоянии склероза и не ответила мне ничем. Лишь только у нашего «старшего брата» началась Перестройка, как Хонеккер запретил своетские газеты. В 1989 я вернулся снова. В Москву. Как журналист советской немецкой газеты «Neues Leben».

Москва могла предложить многое: вечеринки, концерты, выставки, беспорядочные бесконечные разговоры, как в фильмах Феллини. И снова многому можно было научиться. В этот раз у моих собственных соотечественников. Правда, эти земляки приезжали из Алма-Аты и деревень Ферганской долины: мужчины под семьдесят, с грубыми лицами и грубыми руками. Они говорили на странном немецком, больше напоминавшем язык Шиллера, чем Хонеккера. Фридрих Крюгер из Дзержинска (!), например. Человек родился на Волге, когда был ребенком, на его глазах умерли его братья и сестры во время голода 1932. В 1941 по приказу Сталина он отправился в Сибирь, в трудовой лагерь. Да, мне было чему поучиться...

Я чуть было не пропустил падение Берлинской стены. И как только мир открылся и на Запад, я повернулся спиной к своей школе жизни. На двадцать лет. Пока Рем в Гонконге не заговорил со мной в первый раз о институте на Стрелке. С тех пор я был в России в общей сложности наверно около 70 дней. В том числе и в Воронеже. Кое-что изменилось, но не слишком многое. Для немецкого путешественника, как я, трудно понять – к лучшему или к худшему.

Вдруг я оказался на театральной сцене и снова должен был говорить по-русски. Я сказал, раньше надо было пять лет учиться, чтобы получить диплом, а сейчас его дают сразу. Губернатор передал мне неизбежный, как принято - отлитый в металле памятный подарок, но к нему, правда, еще и рукописный текст в рамке – написанная моей рукой просьба о зачислении в университет от 1979 года... Воронеж меня не забыл.

Сейчас я снова часто бываю в Москве. О городе, наверно, можно сказать все что угодно: он декадентский, богатый, бедный, с транспортом – катастрофа, хорош или плох Путин для страны, водку-то в Большом театре теперь запретили, коттедж – странное словообразование, среди умных людей больше не принято говорить о «содержании», а принято о «контенте», даже в том случае, если этого «контента» и не видно вовсе. .. С многих точек зрения можно было бы подумать, что Москва стала нормальным городом.

Aber noch muss man sich um den Sonderstatus von Moskau keine Sorgen machen. Zwar geht die Passabfertigung in Sheremetyevo inzwischen schneller als in New York, aber wenn man nach 25 Jahren mal wieder die Lomonossow-Universitaet besucht und sich mangels Propusk an die wachhabende Genossin Milizionierin wendet, darf man sich nicht wundern, nach vertrautem sowjetischen Vorbild rausgeschmissen zu werden. Es wimmelt von Restaurants, in denen ein Glas Pinot Grigio soviel kostet, wie in Rom eine ganze Flasche, aber in manchen Hinterhoefen entdeckt man dann, dass die guten alten кафе-стекляшка mit ihren сосисками и пельменями noch nicht ausgedient haben.

Sogar die Regierung sorgt dafuer, dass sich Klischees ueber die „verrueckten Russen“ nicht abnutzen. Bisher war nur bekannt, dass man hierzulande die Nacht gern zum Tage macht. Mit der neuen Winterzeit ist jetzt immerhin ein Versuch gemacht worden, auch den Tag zur Nacht zu machen. Ja, Moskau ist anders. Wo sonst summen Museumswaerterinnen Opernarien vor sich hin, wenn nicht im Polytechnischen Museum dieser Stadt? Wo duerften Metro-Architekten die Hymne auf einen Staatschef unter Denkmalschutz stellen, dem Millionen Opfer zur Last gelegt werden? Wo wird so oeffentlich ueber Beschraenkungen der Meinungsfreiheit gestritten?

Auch das Strelka Institut, das mich eingeladen hat, unterscheidet sich von Hochschulen oder Think Tanks, die ich andernorts kenne. Eine Ein-Jahr-Uni, um herauszufinden, wie man eine Stadt lebenswerter machen koennte, ist ungewoehnlich. Natuerlich geht sowas nur mit Studenten, die aufgeweckt sind. Manche sind so alt wie ich als Diplomquantenchemiker in Woronesh. Sie gehoeren zu einer Generation, die ein anderes Russland kennt als ich. Vermutlich geben sie sich nicht der Illusion hin, als Designer oder Politologen demnaechst im Westen grosse Karriere zu machen. Sie verfolgen eher eine – wie sie selbst wissen – naive Idee: Moskau zu einer besseren Stadt zu machen.

Es sind diese Idee und ihre Naivität, die mich interessieren und hierher zurückgebracht haben. Gute Gründe, dieser Stadt gegenüber skeptisch zu sein, gibt es immer. Im Augenblick ist meine Neugier aber stärker als alle guten Gründe. Moskau wird derzeit anders. Ich bin gespannt, wie.

(Михаэль Шиндхельм, январь 2012)